

Митрополит Иларион: Разрыв с Константинополем не повредил ни Русской, ни Украинской Церкви

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью информационному агентству ТАСС.

– Об Архиерейском Соборе Элладской Церкви, прошедшем в субботу, поступают самые противоречивые сведения, в основном — из анонимных источников. Возможно, вы могли бы объяснить, какие решения были приняты на нем, и как их оценивает Русская Церковь?

– Мы пока что узнаём о том, что решила Элладская Церковь на своем Соборе, из прессы. Опубликовано коммюнике Собора, опубликована речь архиепископа Иеронима. Все это, конечно, требует тщательного анализа, прежде, чем мы можем сделать какие-то выводы. Реакция на это событие последует, и эту реакцию сформулирует Священный Синод нашей Церкви, который соберется в ближайшее время и рассмотрит этот и другие вопросы.

– За те 10 лет, которые вы возглавляете Отдел внешних церковных связей, многое изменилось во взаимоотношениях Русской Церкви с инославными христианами, с другими православными Церквями, с иностранными государствами. Какие задачи стояли перед «церковной дипломатией» 10 лет назад, и какими вы видите их сейчас? Чем вообще выстраивание диалога Церкви с миром отличается от светской дипломатии?

– Задачи, которые стоят перед ОВЦС, всегда одни и те же. Но поскольку меняется окружающий мир, меняется обстановка, происходят какие-то события, на которые нельзя не реагировать, то соответствующим образом смещаются и акценты в деятельности Отдела. Например, значительная часть нашего времени и внимания была отдана подготовке Всеправославного Собора. Мы ожидали, что это будет действительно Всеправославный Собор, что там будут решаться важные для православной церкви вопросы, но, поскольку ряд церквей отказались от участия в соборе, то и нам пришлось отказаться. После этого события в православном мире стали развиваться стремительно, и развиваться, к сожалению, в негативную сторону. В конце прошлого — начале нынешнего года произошли события, которые фактически означали раскол в семье Православных Церквей.

То, что в субботу произошло в Афинах, является углублением этого раскола. Как далеко это может

зайти, сейчас сказать трудно. Когда в 1054 году папские легаты приехали в Константинополь, чтобы выяснять отношения с Константинопольским Патриархом, и выяснение отношений привело к разрыву евхаристического общения между Римской Церковью и Константинопольской Церковью, никто не мог предвидеть, что это разделение продлится тысячу лет и к каким тяжелым последствиям оно приведет.

Я думаю, что очень важно сейчас попытаться посмотреть вперед. Среди тех, кто играет в шахматы, есть люди, которые способны просчитать ситуацию лишь на один ход вперед, а есть те, которые способны ее просчитать на много ходов вперед. Нам сейчас нужно определить, какими будут следующие наши шаги и с какими рисками они сопряжены. Мы во всяком случае не должны действовать эмоционально, под влиянием чувств негодования и недоумения — мы должны тщательно и спокойно все взвесить и с молитвой принять то решение, за которое потом будем нести ответственность.

– Разрыв молитвенного общения с Константинопольским Патриархатом был тяжелым решением для Церкви. Как оно сказалось на положении православных христиан Украины? Есть ли еще надежда на воссоединение расколотой Церкви, и что является для него главным препятствием?

– Я должен сказать, что на внутренней жизни Русской Православной Церкви, включая ее самоуправляемую часть Украинскую Православную Церковь, разрыв с Константинополем не сказался никак. Как мы жили, так и продолжаем жить, как служили — так и продолжаем служить, как мы праздновали Пасху и другие великие праздники — так и продолжаем праздновать. Мы не почувствовали какого-либо ущерба, произошедшего от этого разрыва.

Константинопольский Патриархат совершил большую ошибку, и он продолжает настаивать на этой ошибке, требуя признания так называемой православной церкви Украины от других Поместных Церквей. А ведь мы видим, что ПЦУ не состоялась как Церковь. Она изначально была составлена из двух раскольничьих групп, она уже за несколько месяцев своего существования успела разделиться на две части, и церковный народ не пошел за этой группой. Патриарх Варфоломей предполагал, что епископат канонической Украинской Православной Церкви примкнет к этой группе, как только она получит томос об автокефалии. Томос был получен, но епископат остается сплоченным вокруг блаженнейшего митрополита Онуфрия, архиереи Украинской Церкви заявили о желании сохранять единство с Русской Православной Церковью, о том, что их полностью удовлетворяет нынешний статус Церкви. Совершенно очевидно, что преодоления раскола не произошло, а наоборот, происходит углубление раскола.

– Единство с Константинополем стало для Русской Церкви невозможно не только из-за

спора о том, к чьей юрисдикции относится Украина, но и из-за взглядов на полномочия Константинопольского Патриарха. Будет ли, в таком случае, отзыв выданного ПЦУ томоса об автокефалии достаточен для его восстановления, и если нет – то что должно будет произойти? Может ли единство теперь вообще быть восстановлено?

– Вряд ли можно рассчитывать, что Константинополь отзовет томос, который он выдал. Конечно, Константинопольский Патриарх отозвал решение одного из своих предшественников трехсотлетней давности, но мы не воспринимаем всерьез подобного рода действия, и считаем их ничтожными с канонической точки зрения. Я думаю, что говорить о каком-то улучшении ситуации и исцелении нанесенной раны преждевременно. По-видимому, пройдет какое-то время, прежде чем православные Церкви совместно найдут решение сложившейся ситуации.

– Видимо, для этого потребуется Всеправославное совещание, которое уже проводилось, или собор? В каком формате оно может быть найдено?

– Мне трудно сейчас говорить о формате, потому что я не вижу готовности со стороны Константинополя вообще вести диалог. Мы видим только действия, направленные на то, чтобы это поспешно совершенное деяние было признано другими Православными Церквями, а это путь тупиковый, потому что все равно значительная часть Церквей его не признает, а соответственно, этими признаниями можно только углубить раскол, который уже сформировался.

– Недавно в молитвенное общение были приняты архиепископ Иоанн (Реннето) и последовавшие за ним клирики и миряне Архиепископии приходов русской традиции в Западной Европе. В какой форме бывшая Архиепископия Константинопольского Патриархата будет существовать в составе Русской Церкви, и как она будет связана с Патриаршим экзархатом в Западной Европе? Какие из особенностей ее богослужения и приходской жизни, выработавшиеся за десятилетия существования архиепископии, могут быть сохранены?

– Те приходы, которые служат по новому стилю, будут продолжать служить по новому стилю. Те приходы, которые служат на французском, немецком или ином языках, будут продолжать служить на том языке, к которому они привыкли. Архиепископия будет существовать как единая и цельная структура во главе со своим архиепископом в лоне Русской Православной Церкви. Она не будет ни частью Западноевропейского экзархата, ни частью Русской Зарубежной Церкви — она будет иметь свою структуру, ту самую, которая у нее сложилась, и будет сохранять свои традиции.

– Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал это воссоединение закрытием темы разделения Русской Церкви и русской диаспоры за рубежом. Значит ли это, что

изменяются катехизаторские задачи и направления работы миссионерства Русской Церкви за рубежом? Может ли, например, появиться служба на других языках кроме церковнославянского?

– У нас уже миссионерская работа ведется в разных странах, и богослужение ведется на разных языках. Например, я возглавлял в течение шести лет Венгерскую епархию нашей Церкви, и там в большинстве приходов богослужение совершается на венгерском языке. А в Японской Автономной Православной Церкви богослужение совершается на японском языке, в Молдавии — на молдавском языке. В приходах дальнего зарубежья практика разная: там, где большинство прихожан русские, используется церковнославянский язык, и проповедь звучит по-русски. Где большинство прихожан принадлежит к местному населению — там, соответственно, и богослужение, и проповедь совершается на местном языке. Так что такая практика у нас уже существует.

Наша миссионерская стратегия в дальнем зарубежье построена на двух основных принципах. Один принцип заключается в том, что мы занимаемся окормлением нашей паствы, то есть тех людей, которые уже принадлежат к нашей Церкви. А другой принцип заключается в том, что мы открыты представителям других традиций, которые желают к нашей Церкви примкнуть — вне зависимости от их национальности, от их языка, мы их принимаем с любовью. При этом мы не занимаемся прозелитизмом — мы не ходим по храмам других конфессий и не говорим, что наша вера истинная, а ваша — нет. Но когда люди к нам приходят, мы, конечно, открываем перед ними двери и не скрываем того, что считаем именно свою веру истинной, а не какую-то другую.

– Как развиваются Патриаршие экзархаты в Западной Европе и Юго-Восточной Азии, созданные в конце прошлого года?

– Если говорить о Патриаршем экзархате Юго-Восточной Азии, то он был создан в ответ на нужды и чаяния наших людей, и он развивается очень динамично. Я не так давно посещал Филиппины и участвовал в богослужении, на котором было немало и прихожан-филиппинцев, и священнослужителей-филиппинцев. И, конечно, в епархиях нашей Церкви рукополагают не только русских людей, и не только русскоязычных — у нас есть немало священнослужителей, которые говорят только на своем родном языке, и служат на своем родном языке.

Патриарший экзархат Западной Европы тоже динамично развивается, открываются новые приходы — буквально на каждом или почти каждом заседании Синода мы принимаем решение об открытии новых приходов. И все это связано с тем, что интерес к Церкви не уменьшается, а возрастает — мы наблюдаем это и в нашем отечестве, и за его пределами.

– На Филиппинах ситуация особенно интересна — президент Родриго Дутерте, пригласивший на Валдайском форуме в Сочи в страну православных миссионеров, в некоторых заявлениях позиционировал себя как атеист, там даже были определенные конфликты властей с католической церковью. Распространялось ли это на местных православных?

– Миссионерская деятельность развивается активно — на Филиппинах уже более 30 приходов Русской Православной Церкви. Те сложности, которые имелись или имеются у Католической Церкви с местными властями, никак не отражаются на нашей миссионерской деятельности. Тем более что Католическая Церковь к нашему присутствию на Филиппинах относится очень благосклонно — я имел возможность в этом убедиться, когда встречался с Архиепископом Манилы кардиналом Тагле, который возглавляет Католическую Церковь Филиппин.

– Остались ли на Филиппинах представители первой волны эмиграции: те, кто попали туда из Китая в 1940-е годы?

– Те приходы, которые сейчас есть на Филиппинах — их прихожанами являются или эмигранты последней волны, или местные жители, которые интересуются православием и принимают православие. Сейчас от довоенной эмиграции уже ничего на Филиппинах не осталось, потому что Филиппины оказались для нее перевалочным пунктом. Там действительно в какое-то время оказалась большая группа русских, там какое-то время был святой Иоанн Шанхайский, но потом они все поехали дальше, и основная их часть оказалась в Австралии, а некоторая часть в Америке.

– Есть ли конфликты с Константинопольским Патриархатом, считающим входящие в Патриаршие экзархаты страны своей канонической территорией?

– Константинопольский Патриархат начиная с 1920-х годов развивает теорию, согласно которой в так называемой диаспоре должно быть только присутствие Константинопольского Патриархата, а не параллельное присутствие разных Православных Церквей. Но с этой теорией не соглашаются Поместные Православные Церкви, у которых есть епархии и приходы в диаспоре — это и Антиохийская Церковь, и Русская, и Грузинская, и Сербская, и Румынская, и Болгарская, — все они имеют приходы в так называемой диаспоре.

Вообще само понятие «диаспора» очень спорное, и в православном мире оно не имеет единого толкования. Исторически приходы и епархии Русской Православной Церкви появлялись там, где появлялись русские люди или члены нашей Православной Церкви, принадлежащие к другим национальностям. В общей сложности у нашей Церкви более 800 приходов в так называемой

диаспоре, и их количество постоянно растет. У нас нет оснований считать, что все эти приходы и вся эта паства должна перейти к Константинопольскому Патриарху, тем более что мы видим, какое внимание он уделяет нашей пастве.

Например, в Турции, где до недавнего времени Русская Церковь не присутствовала вообще, поскольку мы воспринимаем Турцию как каноническую территорию Константинопольского Патриархата, никакой серьезной пастырской работы с нашими верующими не велось. Были эпизодические богослужения, люди чувствовали себя оставленными, брошенными. Они к нам обращались, но мы не могли ответить на эти обращения, потому что считали, что Константинопольский Патриархат должен заниматься пастырским окормлением этих людей. Мы неоднократно предлагали Константинопольскому Патриархату прислать туда русских священников, причем мы бы этих священников отдали в его юрисдикцию, но он категорически от этого отказывался. А сейчас ситуация сложилась таким образом, что наши верующие уже не могут причащаться в приходах Константинопольского Патриархата, поэтому в Турции совершают богослужения священники Русской Православной Церкви и занимаются пастырским окормлением прихожан.

– Несколько лет прошло со встречи Патриарха Московского и папы Римского в Гаване. Как сейчас проходит диалог с Римско-Католической Церковью, и есть ли необходимость в повторных встречах Предстоятелей – например, в России, о желании посетить которую неоднократно говорил Папа Франциск, или в Ватикане?

– Встреча между Папой Франциском и Патриархом Кириллом имела исторический характер, и эта встреча открыла очень широкое пространство для взаимодействия во всех сферах. Мы сейчас работаем над тем, чтобы воплотить в жизнь то, о чем договорились Папа и Патриарх. Пока я не слышал ни о каких новых встречах, которые бы намечались.

Мы работаем над тем, чтобы помогать христианам Ближнего Востока. Эта помощь оказывается разными способами, прежде всего это поддержка на политическом уровне, но также это и гуманитарные акции, направленные на улучшение положения тех христиан, которые остаются в Сирии и в других странах Ближнего Востока, которые нуждаются в помощи. Католическая Церковь давно уже ведет свою благотворительную работу на Ближнем Востоке, но в последнее время мы стали координировать наши усилия, и видим уже некоторые плоды этой координации. Я думаю, что мы будем наращивать наше взаимодействие в этой сфере, а также в других сферах, в которых это взаимодействие будет востребовано.

У нас есть рабочая группа по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Римско-Католической Церковью, эту группу возглавляю я и кардинал Кох, и мы обсуждаем различные

проекты, которые осуществляются в культурной сфере, а также в сфере благотворительности и социального служения.

Что же касается помощи, которая идет со стороны Русской Православной Церкви совместно с представителями других религиозных конфессий России, то уже несколько раз были поставки целых партий гуманитарной помощи, один раз ее было 77 тонн, и эта помощь распространяется среди населения Сирии вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

– В систему научных специальностей в России недавно была введена теология.

Сформировалось ли уже российское академическое сообщество теологов и богословов? Насколько востребована специальность у студентов светских учебных заведений, не планирующих в будущем становиться священнослужителями?

– Такое сообщество находится в стадии формирования. С того момента, как теология была легализована в качестве научной специальности, до того момента, когда у нас появится сообщество теологов в светском образовательном пространстве, должно пройти определенное время. Достаточно сказать, что, когда мы создавали первый признанный государством диссертационный совет по теологии, он включил в себя более 20 докторов наук, но ни один из них не был доктором теологии – по той простой причине, что теологии как признанной науки в российском образовательном пространстве не существовало. Но теперь в этом теологическом уже совете защищаются диссертации, таких защит было несколько, и можно предполагать, что через несколько лет у нас появится достаточное количество дипломированных теологов, из которых, в свою очередь, можно будет составлять новые диссертационные советы.

Развитие теологической науки в светском образовательном пространстве – это веление времени. Я наблюдаю большой интерес у ректоров наших ведущих учебных заведений к этой области научных исследований, и очень надеюсь на то, что теология будет развиваться не только в конфессиональных духовных школах, но и в светском образовательном пространстве.

Беседовал Павел Скрыльников